

Влас Михайлович Дорошевич

# Встреча



# Влас Михайлович Дорошевич

## Встреча

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=22195081](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22195081)*

*Встреча:*

### **Аннотация**

«...Это была женщина в ярком, очень дешёвом платье, которое в первую минуту казалось очень шикарным. В боа из перьев, которые в первый момент казались страусовыми. В огромной шляпе, которая на первый взгляд казалась совершенно новой. Гримировка вместо лица. Краски превращали этот череп, обтянутый кожей, в головку хорошенькой женщины. А ярко-красные губы, губы вампира, давали обещания, которых не могла сдержать эта усталая актриса...»

# Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

# Влас Дорошевич

## Встреча

Было поздно.

Даже беспутный Монмартр заснул. Гарсоны в длинных белокурых париках, одетые ангелами, заперли «Cabaret du ciel». Над «кабачком смерти» погасили зелёный фонарь, превращавший проходящих мимо в мертвецов. Погасли красные огни «Moulin».

Только в «Rat mort», «Cyrano», «Place Blanche» за спущенными шторами светился огонь. Оттуда слышались шум, смех, визг скрипки.

В верхнем зале «Place Blanche» было шумно и тесно. Выли, ныли, стонали, визжали скрипки цыган. Смех, звон посуды, взвизгиванья. Пахло eau de Lulin, сигарами, кухней, потом, телом, вином. Женщины с усталыми лицами, их сутенёры – все, кто работает ночью.

Я спросил себе шампанского «extra dry», а потому сидевшая вблизи женщина в ярком платье, огромной шляпе с колоссальными перьями обратилась ко мне с несколькими словами по-английски.

Я ответил, что не англичанин.

Тогда ко мне обратилась по-немецки толстая, огромная, старая немка, вероятно забытая пруссаками в 71-м году.

Я сказал, что и не немец.

– Он русский! – воскликнула сидевшая неподалёку француженка и обратилась ко мне по-русски: – Ты русский? Правда?

– Ты говоришь по-русски?

– Ого!

И она «загнула» по-русски несколько таких фразочек, что я только рот разинул.

– Правда хорошо?

– Эх тебя обучили!

– Я была гувернанткой.

– Ну да, я была в России гувернанткой, – обратилась она к другим женщинам, – и воспитывала их детей!

Все расхохотались.

Это становилось интересным.

– Хочешь присесть? Хочешь стакан вина?

– Я бы что-нибудь съела! – сказала она небрежно, присаживаясь к столу. – Гарсон, что у вас есть?

Но когда она читала карточку, руки её дрожали. Она была очень голодна.

Это была женщина в ярком, очень дешёвом платье, которое в первую минуту казалось очень шикарным. В боа из перьев, которые в первый момент казались страусовыми. В огромной шляпе, которая на первый взгляд казалась совершенно новой.

Гримировка вместо лица. Краски превращали этот череп, обтянутый кожей, в головку хорошенькой женщины. А яр-

ко-красные губы, губы вампира, давали обещания, которых не могла сдержать эта усталая актриса.

Жизнь дала такую роль – играть красивую, молодую, непременно свежую женщину.

Сколько ей могло быть лет?

Не всё ли мне равно, ведь я не собирался ею увлекаться.

Она это заметила и строго сказала:

– *Quand même, tu dois être gentil avec ta petite femme mon soucou!*<sup>1</sup> Ты студент?

– Нет, я не студент. Почему ты думаешь?

– У нас студенты очень любят ходить, где есть много женщин, и сидеть вот так, как ты... Гамлетом!

Она чувствовала лёгкое опьянение от еды, как чувствуют его очень проголодавшиеся люди.

А принявшись теперь за шампанское, пьянела сильнее и сильнее.

– Это презабавный народ – русские! – воскликнула она, показывая на меня и обращаясь к окружающим. – Они не хуже и не лучше других. Такие же свиньи, как и все. Но никто столько не раскаивается! Они всегда раскаиваются! Их любимое занятие. Напиваются пьяны и плачут, бьют себя в грудь, а потом других по голове. И самое любимое их слово – «подлец». «Я подлец, и ты подлец, и все мы подлецы!» Это у них обязательно. Без этого они не считают себя «порядоч-

---

<sup>1</sup> Все-таки, ты должен быть любезным с твоей маленькой женщиной, мой птенчик! (фр.)

ными людьми». Очень весело сидеть в такой компании!

Все захохотали. Многие придвинулись ближе.

– Разве это не правда? Никто столько не кается! Вы знаете, о чём они говорят с женщиной? Самый любимый вопрос: как ты дошла до этого... У них даже есть стихи такие любимые.

И она продекламировала с пафосом:

– «Как дошла ты до жисни такой?» Это всегда всякий говорит: «Ах, ты бедная, бедная!» А сам рукой.

Настроение кругом становилось всё веселее и веселее.

– Ah, ils sont drôles, les russes!<sup>2</sup>

– Я знаю отлично Россию! От самых лучших семейств... Ты знаешь, не кто-нибудь. Самые лучшие фамилии. Ты русский, ты должен знать.

И она принялась сыпать громкими фамилиями.

– И кончая домом...

Она назвала и этот дом.

– Меня взяли бонной в Россию из одного монастыря на avenue Malacoff. Оттуда куда-нибудь не пустят! Я росла у сестёр на avenue Malacoff, за высоким забором, в доме, стены которого отделаны изразцами с изображениями святых, и с садом с бледными, чахлыми деревьями, которые словно тоже были все женщинами и дали обет монашества. Такие они были унылые! Меня отдали в бонны к русской даме из отличнейшей фамилии. Отличнейшая фамилия и отличнейшие друзья, разорённое именье, – как это у них у всех, – и

---

<sup>2</sup> Какие смешные – эти русские!

шесть человек детей! Ах, эти русские! Они совсем не знают воздержания! И шикари плодят нищих с замашками шикаррей. Нигде нет столько аристократии, как в России, и даже в метрдотелях кафе шантанов встречаются люди с громчайшими фамилиями! Настоящее перепроизводство. Они расточители во всём. Когда у нас мало средств, мы живём один день в неделю, а шесть копим и отказываем себе во всём. А они хотят принимать, выезжать, блистать каждый день. И каждое новое платье madame стоило сотни заплаток на штанах и носках детей. Бельё мы чинили и ставили рубец на заплату, заплату на рубец, а madame по утрам рыдала, а вечером надевала новое платье и ехала. Monsieur по утрам рвал на себе волосы, а вечером угощал гостей двухрублёвыми сигарами. Это шесть франков.

Все кругом воскликнули и с удивлением и с порицанием:

– А-а! О-о!

– Нищета, разорение, покрытые сверху шёлком, который взяли в кредит, и кружевами, которые достали чуть не мошенническим образом. Настоящие азиаты, дикари, у которых шатры покрыты дорогими коврами и которые спят в этих шатрах на голой земле в луже грязи. А, в них много Азии! Вся нищета была на мне. Шесть человек детей! Одевать, раздевать, умыть, причёсывать, гулять с ними, играть, каждую минуту приводить в порядок, а по вечерам ещё штопать чулки и класть заплату. Русские воспитались на крепостном праве, и никто так не умеет устраивать крепост-

ного права, как они. Служащего нет, – его сейчас же делают крепостным. Он и не заметит! У нас есть и работа, очень тяжёлая, но есть и отдых. У русских отдыха нет, это называется «ничего не делать». – «Mademoiselle, вы ничего не делаете – сделайте то-то». И вы не можете ответить: «Как я ничего не делаю? Я отдыхаю». Это примут за шутку. Сегодня вы штопаете чулки детям просто из жалости, завтра – из любезности, после завтра madame уже кричит: «Mademoiselle, что ж это у детей не заштопаны чулки!» Им нельзя оказать любезности, – через два дня это станет вашей обязанностью. Сегодня – любезность, завтра – привычка, после завтра – обязанность. И в конце концов на вас навалят столько обязанностей, что вы никогда не будете принадлежать себе. Вас сделают крепостной. О, этот народ крепостного права! Мне приходилось работать по 18 часов в сутки. Штопанье детского, даже починки для madame! Благодарю покорно. J'en ai plein le dos! В один прекрасный день я переколотила всех детей, всех этих маленьких нищих, которые – они ведь голубой крови! – кидали мне в лицо своё бельё: «Я пожалуюсь маман, вы опять дали мне рваную рубашку!» Да других-то и не было, будущие обитатели острогов! Я наговорила дерзостей madame. Чтобы сделать больше неприятностей в доме, я навизжала, что monsieur хочет что-то со мной сделать. В хорошеньком положении я оставляла дом! Все ревели, все катались в истерике, все хватались за головы. Кушайте! И часа больше не осталась, – ушла! А, эти места «бон-

ны в доме!»! Я их знаю! Я их переменяла восемь в течение года! Места! Где хозяин дома не может вас видеть без того, чтобы у него не задрожали углы губ и в глазах не запрыгали черти! Где старший сын является вдруг в вашу комнату в 11 часов вечера, садится к вам на кровать и спрашивает: «Mademoiselle, как перевести по-французски эту фразу?» А у самого голос дрожит! Места, где стареющая, блекнувшая, ссыхающаяся или расплзающаяся, как желе, madame смотрит на вас злыми глазами и старается вас кольнуть побольнее, по-женски. Где молодая девушка не может надеть бантика. Где каждый ваш бантик оказывается «верхом безобразия». «Что это вы за гадость ещё нацепили? Фи! Снимите! Вам это не идёт! Как это, – удивляюсь: француженка, и совсем, совсем не умеете одеваться!» Ваши духи, о маленьком флаконе которых вы так мечтали и которые, наконец, купили, – всегда отбивают аппетит у madame, оказываются отвратительными, заставляют её морщить нос: «Чем это вы? Что это такое?» Дома, где на вас смотрят, как на склянку с ядом, которого, боясь, не хлебнул бы муж или сын. И вы знаете, русские ещё требуют, чтобы гувернантки, бонны любили дом, где служат, детей, хозяев, вещи, – кажется, самые стены! Как же! «Что это за гувернантка, что это за бонна! Она знает только своё дело, а любви к дому у неё никакой нет!» Хуже такой аттестации у них ничего нет. Любви! Да я не знаю, до какого нравственного падения надо дойти, чтобы ещё любить ту руку, которая вас бьёт по щекам. Если в

ней есть хоть чуточка нравственной порядочности, хоть капелька человеческого достоинства, если это не безнадёжно нравственно падшее существо, – она должна ненавидеть хозяев, их дом, их детей. Это всё, что остаётся её человеческому достоинству. И единственное нравственное удовлетворение получает человек, служащий в русских домах, только тогда, когда он уходит! Тут-то напеть им, как следует! Ах, я это ужасно любила. Быть может даже, я чаще меняла места потому, что никак не могла дожидаться этого удовольствия! Словом, переменяв девять мест, я нашла, что место «бонны в доме» совсем не по мне, и стала публиковать в газете, что ищу «demi-place»<sup>3</sup>

---

<sup>3</sup> Полу-место (приходящий).

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.